

УДК 159.922

ОНТОГЕНЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ И ЯЗЫКА В РАБОТАХ Э.В. ИЛЬЕНКОВА¹

А.Д. Майданский^{a, b}

^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85

^b Институт философии Российской академии наук, Россия, 109240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1

Свою концепцию формирования психики и языка Э.В. Ильенков выстраивает на основе «деятельностного» понятия психики и разворачивает на материале Загорского эксперимента со слепоглыми детьми. При этом из поля зрения выпадает эмоционально-аффективная деятельность ребенка в процессе общения со взрослыми людьми. В статье проводится сравнение понятий знака и значения у Ильенкова и Выготского, а также их трактовок психологической революции, которую производят в жизни ребенка слово, овладение языком.

Ключевые слова: предметная деятельность; аффект; образ; общение; знак; жест; слово; Загорский эксперимент.

Введение

После войны, когда Э.В. Ильенков пришел в Московский университет, психологи и философы обитали вместе на улице Моховой. И если с философами Ильенкову ужиться не удалось, то с психологами у него сложились прекрасные – уважительные, а зачастую и дружеские, – отношения. Первые работы Ильенкова по психологии были написаны еще в конце 1950-х гг. В 1959 г., когда разгорелась полемика по проблеме способностей, Ильенков выступил на стороне А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина – в защиту «теории интериоризации» от критики С.Л. Рубинштейна и его сторонников.

В 1963 г. в подмосковном Загорске был основан детский дом для слепоглых детей. Его научным руководителем стал Александр Иванович Мещеряков, в то время заведовавший лабораторией в Институте дефектологии АПН РСФСР. Четыре года спустя к эксперименту подключился Ильенков. Полученные в Загорске данные о формировании психики и языка в условиях слепоглухоты он ставит в связь с философской проблемой идеального. Опыт со слепоглыми детьми ценен тем, что как бы расслаивает психику: становится видимой последовательность тех психологиче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

ских «формаций», которые у обычных детей очень быстро складываются и смешиваются одна с другой. Ступени эволюции психики просматриваются здесь в гораздо более чистом виде.

Совсем недавно, в 2017 г., был оцифрован и размещен на сайте Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» (elib.so-edinenie.org) архив А.И. Мещерякова, хранящийся в Институте психологии РАН. Здесь нашлись тезисы и стенограмма доклада, сделанного Мещеряковым летом 1969 г. на заседании Президиума Академии наук СССР [1]. Среди прочего в них кратко и ясно – пошагово – описывается процесс обучения слепоглухих языку. К этому времени Ильенков и Мещеряков уже около двух лет работали в тесном содружестве. В своем выступлении Мещеряков сообщает, что тезисы ему «помогал готовить Э.В. Ильенков». Сохранились и совместные их тезисы для Шестой научной сессии по дефектологии (14–17 июня 1971 г.).

Из написанного Ильенковым о Загорском эксперименте при его жизни в печать попало немного – одна статья размером в авторский лист [2] и еще две-три небольших работы. Немало рукописей осталось в столе и впервые увидит свет в десятитомном Собрании сочинений Э.И. Ильенкова (к настоящему времени вышло четыре тома).

Недавно один храбрый, но плохо осведомленный «логический семантик», словак И. Ганзел, опубликовал статью, в которой вычислялись глубинные разногласия между Ильенковым и Мещеряковым. При этом автор, не жалея курсива, заявлял, будто тот и другой обходили молчанием проблему формирования языка. «Мещеряков ограничивает... описание этапов процесса обучения слепоглухонемого ребенка самыми началами и в то же время *исключает из описания все те этапы, на которых ребенок приобретает язык*» [3. С. 123]. А Ильенков, мол, вообще «не осмыслил феномен языка» и разработанные им понятия «не могут ни описать, ни объяснить, ни *направлять процесс обучения слепоглухонемых детей именно на тех этапах, на которых они приобретают язык*» [Там же. С. 124]. Годом ранее эта статья вышла на английском языке [4].

Между тем архив Мещерякова был уже доступен в сети, и Ганзел мог бы ознакомиться с материалами книги «Развитие средств общения у слепоглухонемых (переход от предметного действия к жесту и от жестового общения к тактильной речи)» [5]. Работа была окончена, рукопись передана машинистке с подробными инструкциями и наказом напечатать все в четырех экземплярах не позднее 26 ноября – на следующий день автор должен был отнести ее в издательство «Педагогика». Увы, 30 октября 1974 г. Александр Иванович умер от инфаркта. Из рукописи объемом почти 600 машинописных страниц уцелела примерно треть.

Сохранившаяся в архиве Ильенкова рукопись «К работе Мещерякова»¹ позволяет убедиться, что их взгляды на процесс формирования языка

¹ Рукопись представляет собой тезисы выступления Ильенкова на Президиуме Академии педагогических наук СССР в феврале 1973 г. Он кратко формулирует здесь свое понимание психики и высказывает ряд глубоких соображений о связи знака и значения, слова и действия. Текст уже подготовлен к печати и в ближайшее время должен увидеть свет.

практически совпадают. Разница лишь в том, что Ильенков пишет о *всеобщих* принципах и этапах этого процесса¹, его занимают лишь те особенности, в которых «просвечивает» всеобщее; Мещеряков же как дефектолог уделяет основное внимание специфике и методике формирования языка у слепоглухих.

Развитие знаковых систем в онтогенезе

Начинает Ильенков с анализа *жеста*, в котором он видит своеобразную «клеточку» языка, первичную форму языкового общения. Жест завязывает общение на конкретный предмет человеческой деятельности, существуя внутри предметного действия как в своем материнском лоне; в жесте нет еще различия между действием и предметом, на который оно направлено². Жест является компонентом совместно-разделенного действия, с которого начинается вращивание человеческой культуры в психику индивида, «интериоризация» ребенком принятых в обществе правил и норм поведения. Развитие жестового общения идет по линии усложнения, конкретизации системы связей между начальной целью действий (органической потребностью) и действием как таковым. С каждой новой такой связью жест все более отрывается от пуповины предметной деятельности, превращаясь в *условный знак* действия. Так формируется язык жестов.

Предметно-указательная жестикуляция, о которой пишут Ильенков и Мещеряков³, не вырастает из действия напрямую. Указательный жест развивается из аффективных, эмоционально-выразительных реакций. В некоторых культурах *эмоциональная* жестикуляция сохраняется в течение всей жизни, сопровождая устную речь (есть доля истины в шутке о том, что если итальянцу связать руки за спиной, он не сможет разговаривать).

Как эмоциональные, так и указательные жесты можно обнаружить и у животных, причем некоторые их жесты представляют собой целенаправленные сигналы, используемые в процессе общения⁴, и почти все являются *непредметными*, «диадическими». Всецело сосредоточиваясь на предметно-деятельностном общении, Ильенков не обращает внимания на предшествующие ему эмоциональные формы общения и не принимает в расчет аффективную природу человеческого языка.

¹ Подробнее об этом см.: [6].

² В этой связи Джером Брунер писал о «глубокой ситуативности» указательных действий. «Human referring acts... are highly context sensitive or deictic» [7. P. 69].

³ Ср.: «Первые жесты и являются изображением действий с этими предметами или повторением осязательных движений при отсутствии самих предметов. Таким образом, в первом периоде развития средств общения жесты – это непосредственное изображение предметов и действий» [8. С. 117].

⁴ «Значительная часть жестов усваивается индивидуально и используется гибко, в особенности человекообразными обезьянами, и потому по праву может называться целенаправленными сигналами (intentional signals)» [9. P. 20]. Высшие приматы, например, широко пользуются жестами привлечения внимания (attention-getters).

Аффект не является чем-то внешним и чуждым предметной деятельности. Согласно Спинозе, аффект представляет собой особое состояние живого тела, возникающее в результате его собственной деятельности – обратное отражение деятельности в самом действующем теле. Это и есть элементарная «клеточка» психики. Особенность аффективного (= психического) отражения действительности состоит в том, что оно увеличивает или, наоборот, уменьшает «способность самого тела к действию» (Спиноза). Если же деятельностный потенциал тела остается прежним, не увеличиваясь и не уменьшаясь на сколько-нибудь заметную величину, аффект не возникает. Предметы, аффективно нейтральные, ни животное, ни человек попросту не замечают. Переживание состояния аффекта в человеческой психике, «душе», мы называем «эмоцией». В психологическом плане термины «аффект» и «эмоция» могут употребляться как синонимы (например, в работах Л.С. Выготского).

Ильенков принадлежал к «деятельностной» ветви культурно-исторической психологии. Как и лидеры этой школы А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин, он видел в психике исключительно форму *познавательной* (или «поисковой», «исследовательской», «ориентировочной») деятельности. В рисуемой здесь односторонне когнитивной картине психики аффектам отводится в лучшем случае периферийная роль. Ильенков же начисто их игнорировал – при этом почему-то считая свою позицию спинозистской... Между тем аффект является стержневым, центральным понятием психологического учения Спинозы. Выготский это отлично понимал: в последние годы жизни он видел в аффекте «альфу и омегу» развития психики и, соответственно, краеугольный камень научной психологии.

В недавней статье Е.Е. Соколовой утверждается, что А.Н. Леонтьев «оживил спинозизм» в психологии [10]. Это справедливо, только если под «спинозизмом» понимать принципы деятельности, монизма и детерминизма, изъятые из *системы* взглядов Спинозы – оторванные от его *этико-психологического* учения о «силах аффектов» и «человеческой свободе, или блаженстве души». Забывается цель, ради которой Спиноза и городил весь свой философский огород, озаглавив свой опус магнум «Этика» (забудьте, не «Метафизика»).

Зачем марксисту А.Н. Леонтьеву понадобилось ходить далеко вглубь веков, если у Маркса те же самые принципы, в том числе «деятельностный подход», разработаны куда глубже и яснее, чем у Спинозы? Жаль, что Е.Е. Соколова этого нам не объяснила. А как вышло, что «ожививший Спинозу» Леонтьев осудил своего учителя Выготского за «поворот к Спинозе»?¹ То был поворот к «вершинной психологии», выдвинувшей на первый план спинозовское понятие свободы воли как разумного овладения аффектами. Тогда-то Леонтьев и вступил в конфронтацию со спинозистом Выготским...

Психология изучает не предметную деятельность вообще, а *отображение* этой деятельности в самое себя, ее обратное влияние на состояния

¹ См.: [11. С. 376; 12. Р. 358].

субъекта. Первичная и всеобщая форма такой рефлексии предметной деятельности в себя – *аффект*. Преломление в призме аффекта тех или иных свойств предмета порождает *психический образ*. Чувства воспринимают мир не иначе как сквозь эту призму, начиная с простого аффекта желания (*cupiditas*) и его производных: «радости» (*laetitia*) и «печали» (*tristitia*), т.е. желания удовлетворенного и неудовлетворенного. Так говорил Спиноза.

Ильенков считал исходной «клеточкой» психики образ чувств, не вдаваясь в его аффективную генеалогию: «Определение Леонтьева: наука о порождении и функционировании образа. Это – психология в целом...» [13. С. 93]. Отсчет истории психики в онтогенезе Ильенков вел с момента, когда ребенок обретает способность к самостоятельному передвижению в пространстве. «Он лишь через полгода начинает *тянуться* к груди, – тут и возникает первая форма *психически оформленных* действий» [Там же. С. 95]. Вся предшествующая аффективная жизнь ребенка тем самым толкуется как предыстория психики – голая физиология, никак психически не оформленная.

Здесь выпадают из виду *процессы общения*, представляющие собой сферу «для-себя-бытия» психики (употребляя гегелевскую терминологию, которую так любил Ильенков). В процессе общения психика имеет дело не с «немыми» предметами – не с геометрическими контурами и физическими свойствами вещей, – а с другой, ей подобной, психикой. Здесь она оказывается тет-а-тет со «своим иным», с зеркальным отражением себя самой. Именно при контакте с развитой, взрослой психикой впервые загорается «искра» *человеческой* психики ребенка.

Выготский называл новорожденного «максимально социальным существом». В этом есть глубокая правда: жизнь младенца зависит от деятельности окружающих людей – не только матери, которая его кормит и согревает, но и от тысяч незнакомцев, чей труд дает ему пищу и кров. Буквально каждый жизненный акт младенца опосредствован и оплетен сетью общественных отношений. Каждый культурный предмет, с которым он соприкасается с первого дня своей жизни, представляет собой сгусток опредмеченных социальных норм деятельности – «идей».

Ильенков, разумеется, отлично это понимал. В более поздней работе, «Становление личности» проблема возникновения психики им решается по-иному: «Психика младенца формируется ровно в той мере, в какой он научается управлять *руками матери* (пользуясь лишь ей понятной мимикой, жестами, а затем и словами). Психика младенца и тут возникает и формируется как функция предметно-практической деятельности, как производное от работы рук (хотя и не его собственных, а чужих)» [2. С. 76]. В другом месте он при этом ссылается на опыты Джерома Брунера.

Свои первые культурные «акции» младенец действительно производит, «командуя» руками матери (зачаток *воли*). При этом мимика и жестикация выражают, конечно, еще не мысли, а *чистые эмоции*. Психологически первичная связь младенца с матерью представляет собой взаимный обмен аффектами: она реагирует на его аффективное поведение, и наоборот. Если

в предметно-практической деятельности этот обмен играет служебную роль, то в процессе *игры* он осуществляется уже в чистом виде, «в-себе-и-для-себя». Аффективные действия ребенка воспринимаются взрослыми как *сигналы* для ответных культурных действий, и младенец уже к середине первого года жизни овладевает этой аффективной сигнальной системой, пробуя управлять поведением взрослых – главным образом при помощи звуков и выразительных движений.

Эти сигналы аффективного генеза, а не словесный язык, возникающий на «стыке» процессов мышления и общения, образуют, на самом деле, *вторую сигнальную систему* (резонно предположить, что то же самое происходило в филогенезе). В стихии общения и предметы как таковые, и предметно-практические действия, помимо своего прямого назначения, начинают выполнять и сигнальные функции.

Первичную форму общения иногда называют «доречевой», или «неречевой», иногда – «довербальным периодом развития речи». Было бы ошибкой противопоставлять ее предметно-практической деятельности; это одна из (аффективных) форм *отражения деятельности в себя*, но это форма, способная породить собственное содержание – образующая особый мир, в котором психика обменивается сигналами с себе подобной психикой.

Значение и специфику эмоционального общения в младенческом возрасте глубоко понимал другой ученик Выготского – Д.Б. Эльконин, писавший: «Необходимость связи младенца со взрослыми приводит (при отсутствии речи) к появлению особых, неречевых форм их общения. Первой формой такого общения является *эмоциональная реакция ребенка на взрослого...* Появление этой специфической реакции на человека, “реакции оживления”, знаменует собой начало младенчества. Появление этой *наиболее простой и ранней формы* важно, потому что создает основу для возникновения и развития других форм общения, в частности для возникновения подражания звукам и понимания речи окружающих взрослых» [14. С. 45] (курсив мой. – А.М.).

Сила эмоциональной привязанности ребенка к родителям объясняется тем, что они являются для него генераторами позитивных эмоций – «активных аффектов», в терминологии Спинозы, доставляют всякого рода «радости» и устраняют «печали», аффекты неудовольствия. Поначалу младенец активно-положительно реагирует на любого взрослого, и лишь с 4–5 месяцев научается различать «своих» и «чужих»: первые вызывают комплекс оживления, вторые – реакции торможения.

Излагая эльконинскую концепцию формирования детской психики, Л.Ф. Обухова констатирует, что «*основной, ведущий тип деятельности ребенка в младенческом возрасте* – эмоционально непосредственное общение, предметом которого для ребенка является взрослый человек» [15. С. 262]. Я бы лишь уточнил, что *непосредственным* это общение является лишь постольку, поскольку взрослый человек выступает *посредником* буквально во всех сношениях младенца с внешним предметным миром. Мать

становится *универсальным орудием* его предметно-практической деятельности и конкретно-всеобщим условием его жизнедеятельности вообще.

Общение, слово и акт сознания: проблема свободы в психологии

Ильенков утверждает, что специфически-человеческая психика возникает в миг «перевертывания» отношения между биологическим и социальным: деятельная связь с другим человеком, «*акт общения*», освобождается от диктата биологической потребности и «*делается самоцелью*», высшей потребностью.

Любая потребность вызывает аффект и через него выражается. А ребенок, заметим, испытывает потребность в общении лишь с теми людьми, чьи действия вызывают у него положительные эмоции. Иные люди могут вызывать обратный аффект – острое желание *избежать общения* с ними, антипатию или страх. Стало быть, акт общения – вовсе не самоцель. Целью является осуществление и развитие деятельных сил индивида, каковое и вызывает радость, «*летицию*» в Спинозовском смысле слова. Общение – необходимое условие и средство достижения этой цели, но в каких-то случаях бывает и помехой.

Процесс общения регулируется аффектами; с *психологической* точки зрения общение есть взаимодействие аффектов. Ильенков же рассматривает общение под углом зрения *теории познания*: это – сфера идеального, циркуляция *идей*, понятых как формы предметной деятельности и нормы человеческой культуры.

Формирование человеческой психики для Ильенкова есть процесс усвоения, или «*интериоризации*», идеальных форм. Это правомерный, но односторонний взгляд, не принимающий в расчет собственную, аффективную природу психики. Идеальные формы попадают не в пустую комнату души. Психика к этому моменту уже должна быть в наличии. Что же она такое есть *до начала* процесса культурной интериоризации?

Душа новорожденного представляет собой смутное самочувствие органического тела, систему аффектов, в которой нет ни грана идеального. Эти первые «*страсти души*» суть отражения немощи его тела. От природы душа пребывает, говоря языком Спинозы, в «*рабстве аффектов*», и они сохраняют немалую часть своей власти на протяжении всей нашей жизни. Идеи же проникают в душу извне, это формы *самих вещей*, добытые в процессе предметно-практической деятельности, общественного труда. Превращение идеи в психический феномен, «*факт сознания*», всегда сопровождается аффектом – активным или пассивным, увеличивающим или уменьшающим (если идея неадекватна) способность субъекта к действию.

Спиноза бился над проблемой взаимосвязи идей и аффектов, и, по Выготскому, это – ключевая проблема теоретической психологии. Подзаголовок его книги о Спинозе – «*Пролегомены к психологии человека*» [16. С. 260]. Самоцель психического развития и Спиноза, и Выготский видели в увеличении деятельного потенциала и степеней свободы личности, осво-

бождении тела и души от разрушительных «страстей» и обретении власти над собственным поведением. Такова специфически психологическая постановка *проблемы свободы*. Научная психология призвана научить человека мыслить и жить свободно.

«Вершинная психология», которую задумал создать Выготский, есть теория формирования «самодеятельной свободной личности». Тому же учил Спиноза. «Он полон исследованием вопроса, как *реально* совершается движение к свободе: к жизни по руководству разума – а это свобода. Центральная его идея – могущество разума» [16. С. 264]. Сознание рождается из жизни и, в свою очередь, изменяет человеческую жизнь: «*Обратное движение от сознания к жизни*. Спиноза» [Там же. С. 413].

Ильенков прошел мимо «вершинной» спинозовской проблематики – «разум против рабства страстей», – как, впрочем, и его ближайшие соратники-психологи: А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.И. Мещеряков. Но Ильенков сумел, пожалуй, глубже, чем кто бы то ни было, продумать базовый принцип культурно-исторической психологии: свобода личности прямо пропорциональна глубине ее интеграции в мировую культуру, индивидуально усвоенной «порции» идей, накопленных «мировым духом» за всю историю человечества.

Руководствуясь этим принципом, Ильенков-психолог принялся разрабатывать механику присвоения идеальных форм индивидуальной «душой». Этот процесс и попал в фокус его внимания в Загорском эксперименте с участием слепоглухих детей. Психологическими орудиями интериоризации идей Ильенков, вслед за Выготским, считает *знаки*. Благодаря знакам, в особенности словам, ребенок обретает способность отличать себя и свои действия от предметов деятельности.

«Этот акт различения “субъекта” (т.е. “действия”) и “объекта”, предмета как такового, впервые и начинает совершаться только вместе с появлением слова (= знака). Только *знак* создает возможность проводить такое различение», – утверждает Ильенков в упомянутом выше докладе «К работе Мещерякова». Перед нами суждение, способное неприятно удивить тех, кто резко противопоставлял деятельностный подход Ильенкова «знакоцентричному» и «семиотическому» взгляду Выготского на эволюцию психики.

За каждым словом – за спиной любого символа или знака – стоит идеальное, общественно выработанное значение, вернее, целая *система значений*, уточняет Ильенков, обрисовывая генезис семиотических форм у слепоглухих: от жеста – к слову в его дактильной, письменной и, наконец, звуковой форме.

Выготский мог бы добавить, что слово совершает еще один, не менее важный «акт различения» – расщепляет индивидуальную психику надвое, открывая возможность внутреннего диалога, общественного отношения к самому себе. Так возникает *сознание*.

«Речь – всегда диалог (Щерба). Сознание – диалог с собой... Говоря с собой = сознательно действуя, ребенок ставит себя на место другого, отно-

сится к себе, как к другому, подражает другому, говорящему ему, замещает другого по отношению к себе, научается в отношении своего тела быть другим... Значение слова (meaning of word) не тот предмет, который оно замещает, а диалог (функция слушания-говорения в себе)» [16. С. 106–107].

Любой акт сознания опосредствован знаками, в этом заключается его специфика в сравнении с психической деятельностью животных. Сознание невозможно без языкового обмена, в ходе которого формы предметной деятельности и человеческого общения конвертируются в формы сознания, наполняя «внутренний мир» личности. Образы чувств и понятия обмениваются на знаки (жесты, фонемы, числа, ноты и пр.), и наоборот.

Заключение

Такова в самых общих чертах характеристика психологической революции, которую совершает слово. Э.В. Ильенков понимал эту революцию как фазу развития коллективной предметно-практической деятельности. Проблема в том, что сама эта деятельность рассматривается им чересчур узко и односторонне, под углом зрения теории познания. Как следствие, из поля зрения выпадает первичная, эмоционально-аффективная «психологическая формация», складывающаяся в раннем младенческом возрасте в процессе общения ребенка со взрослыми, и все действия младенца, включая символически-игровые, зачисляются в категорию «психически неоформленных».

В понимании Ильенкова психика есть процесс «свертывания» формы деятельности в форму образа чувств (геометрического контура предмета, закодированного в виде «состояния тела» – мышц, нервов, мозга) и «обратного развертывания» этого образа в ходе предметной деятельности. Эту развитую форму чувственного познания мира Ильенков именуется «интуицией» и принимает за «клеточную», конкретно-всеобщую форму психики. Данное понятие психики и легло в основу предложенного Ильенковым объяснения Загорского эксперимента – «работы Мещерякова».

Литература

1. Мещеряков А.И. Формирование психики у слепоглухонемых : стенограмма и тезисы доклада, сделанного на заседании Президиума АН СССР 27 июля 1969 г. URL: <http://elibrary.ru/indexes/values/3168>
2. Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.
3. Ганзел И. Ильенков и язык // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 117–127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1.
4. Hanzel I. Pyenkov and Language // Studies in East European Thought. 2018. Vol. 70 (1). P. 1–18. DOI: 10.1007/s11212-018-9297-1.
5. Мещеряков А.И. Развитие средств общения у слепоглухонемых (переход от предметного действия к жесту и от жестового общения к дактильной речи). 1974. URL: <http://elibrary.ru/nodes/349-1-1-5-rabochie-materialy-k-monografii-razvitiye-sredstv-obscheniya-u-slepogluhonemyh-perehod-ot-predmetnogo-deystviya-k-zhestu-i-ot-zhestovogo-obscheniya-k-daktilnoy-rechi-1973-g-252-lista-mashinopis-rukopis>

6. Майданский А.Д. Воспитание и природа: уроки Загорского эксперимента // *Философская антропология*. 2019. № 1. С. 81–101. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-81-101.
7. Bruner J.S. *Child's Talk. Learning to Use Language*. Oxford : Oxford University Press, 1983. 144 p.
8. Мешеряков А.И. Как формируется человеческая психика при отсутствии зрения, слуха и речи // *Вопросы философии*. 1968. № 9. С. 109–118
9. Tomasello M. *Origins of Human Communication*. Cambridge MA : The MIT Press, 2008. 393 p.
10. Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или о неявном философском основании теории деятельности // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-4-654-673.
11. Леонтьев А.Н. Устная автобиография // Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М. : Смысл, 2005. С. 367–385.
12. Maidansky A. Spinoza in Cultural-Historical Psychology // *Mind, Culture, and Activity*. 2018. Vol. 25 (4). P. 355–364. DOI: 10.1080/10749039.2018.1531893.
13. Ильенков Э.В. Психология // *Вопросы философии*. 2009. № 6. С. 92–100.
14. Эльконин Д.Б. *Детская психология*. 3-е изд. М. : Академия, 2006. 384 с.
15. Обухова Л.Ф. *Возрастная психология*. М. : Юрайт, 2013. 460 с.
16. Выготский Л.С. *Записные книжки. Избранное* / под. ред. Е. Завершневой и Р. Ван Дер Веера. М. : Канон+, 2018. 608 с.

Поступила в редакцию 05.05.2020 г.; принята 25.05.2020 г.

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета; ассоциированный научный сотрудник Института философии Российской Академии наук.

E-mail: caute@yandex.ru

For citation: Maidansky, A.D. Ontogenesis of the Human Psyche and Language in the Works of Evald Ilyenkov. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 76: 20–31. doi: 10.17223/17267080/76/2. In Russian. English Summary

Ontogenesis of the Human Psyche and Language in the Works of Evald Ilyenkov (a Polemical Commentary)

A.D. Maidansky^{a, b}

^a *Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation*

^b *Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation*

Abstract

Ilyenkov explores the evolution of the psyche and language in the frame of cultural-historical and activity approach, testing his theory on the material of the Zagorsk experiment with deaf-blind children. The value of this experiment is that psyche appears in a “stratified” form. The sequence of those psychological “formations”, which at healthy children very quickly develop and mix one with another, becomes visible here. Ilyenkov examines the tech-

nology of interiorization of ideal cultural forms by an individual “soul”. Following Vygotsky, he considers signs to be the psychological instruments of ideas interiorization. Through signs (words, first and foremost) a child acquires the ability to distinguish himself and his actions from the objects of activity. Behind every sign, a socially developed system of values, or “the ideal”, stands. Ilyenkov begins with analysis of gesture, in which he sees a kind of language’s “germ cell”, the primary form of language communication. Gesture is a component of the jointly divided activity, by means of which the interiorization of human culture into the psyche of an individual is performed. Gradually, gesture becomes a conventional sign of action. The genesis of semiotic forms in deaf-blind persons proceeds from gesture towards the word in its dactyl, written and, finally, vocal form. Focusing on communication within the objective activity, Ilyenkov overlooks the preceding, emotional forms of communication and does not take into account the affective nature of human language. Spinoza and, after him, Lev Vygotsky considered affect to be the elementary “germ cell” of psyche. Affect is the peculiar state of a living body that arises as a result of its own activity, or the reverse reflection of activity in the acting body itself. Ilyenkov regards psyche only as a form of cognitive (or “searching”, “research”, “orienting”) activity, completely ignoring the emotional, affective activity. Yet, the latter is the primary basis for human communication. In the affective communication, both the objective-practical actions and the objects as such begin to perform signal functions, in addition to their direct purpose. A child’s affective actions are perceived by adults as signals for cultural responses, and the infant masters this affective signal system already by the middle of the first year of life, trying to control the behaviour of adults, mainly through sounds and expressive movements. According to Daniil Elkonin, another student of Vygotsky, emotional communication is the leading type of activity in infancy. Ilyenkov, on the other hand, considers communication only from a cognitive perspective, as a process of circulation of ideas in human culture. The problem of the relationship of ideas and affects was first posed by Spinoza; according to Vygotsky, it is a specific psychological formulation of the problem of freedom. The “height psychology” is designed to teach man to think and live freely, “under the guidance of reason”, freeing his body and soul from destructive passions. Ilyenkov passed by in silence this Spinoza problem.

Keywords: objective-oriented activity; affect; image; communication; sign; gesture; word; the Zagorsk experiment.

References

1. Meshcheryakov, A.I. (1969) *Formirovanie psikhiki u slepoglukhonemykh: stenogramma i tezisy doklada, sdellanogo na zasedanii Prezidiuma AN SSSR 27 iyulya 1969 g.* [The formation of the psyche in the blind deaf-mute: a transcript and thesis of the report at the meeting of the USSR Academy of Sciences Presidium on July 27, 1969]. [Online] Available from: <http://elib.so-edinenie.org/ru/indexes/values/3168>
2. Ilyenkov, E.V. (1977) Stanovlenie lichnosti: k itogam nauchnogo eksperimenta [The personality formation: the results of a scientific experiment]. *Kommunist.* 2. pp. 68–79.
3. Hanzel, I. (2019) Ilyenkov i yazyk [Ilyenkov and language]. *Voprosy filosofii.* 2. pp. 117–127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1
4. Hanzel, I. (2018) Ilyenkov and Language. *Studies in East European Thought.* 70(1). pp. 1–18. DOI: 10.1007/s11212-018-9297-1
5. Meshcheryakov, A.I. (1974) *Razvitie sredstv obshcheniya u slepoglukhonemykh (perekhod ot predmetnogo deystviya k zhestu i ot zhestovogo obshcheniya k daktil'noy rechi* [The development of means of communication for the blind deaf-mute (transition from objective action to a gesture and from gesture to dactyl speech)]. [Online] Available from: <http://elib.so-edinenie.org/ru/nodes/349-1-1-5-rabochie-materialy-k-monografii-razvitie-sredstv-obshcheniya-u-slepoglukhonemykh-perehod-ot-predmetnogo-deystviya-k-zhestu-i-ot-zhestovogo-obshcheniya-k-daktilnoy-rechi-1973-g-252-lista-mashinopis-rukopis>

6. Maidansky, A.D. (2019) Education and Nature: Lessons from the Zagorsk Experiment. *Filosofskaya antropologiya – Philosophical Anthropology*. 1. pp. 81–101. (In Russian). DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-81-101.
7. Bruner, J.S. (1983) *Child's Talk. Learning to Use Language*. Oxford: Oxford University Press.
8. Meshcheryakov, A.I. (1968) Kak formiruetsya chelovecheskaya psikhika pri otsutstvii zreniya, slukha i rechi [How the human psyche is formed in the absence of vision, hearing and speech]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 109–118
9. Tomasello, M. (2008) *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA: The MIT Press.
10. Sokolova, E.E. (2019) How A.N. Leontiev Revived Spinozism in Marxist Psychology, or On the Implicit Philosophical Basis of the Theory of Activity. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economic*. 16(4). pp. 654–673. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2019-4-654-673.
11. Leontiev, A.N. (2005) Ustnaya avtobiografiya [Oral autobiography]. In: Leontiev, A.A., Leontiev, D.A. & Sokolova, E.E. *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Alexey Nikolaevich Leontiev. Activity, Consciousness, Personality]. Moscow: Smysl. pp. 367–385.
12. Maidansky, A. (2018) Spinoza in Cultural-Historical Psychology. *Mind, Culture, and Activity*. 25(4). pp. 355–364. DOI: 10.1080/10749039.2018.1531893
13. Ilyenkov, E.V. (2009) Psikhologiya [Psychology]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 92–100.
14. Elkonin, D.B. (2006) *Detskaya psikhologiya* [Child psychology]. 3rd ed. Moscow: Akademiya.
15. Obukhova, L.F. (2013) *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology]. Moscow: Yurayt.
16. Vygotsky, L.S. (2018) *Zapisnye knizhki. Izbrannoe* [Notebooks. Selected Works]. Moscow: Kanon+.

Received 05.05.2020; Accepted 25.05.2020

Andrey D. Maidansky – Professor of the Department of Philosophy of the Belgorod State National Research University; Associate Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. D. Sc. (Philosoph.).
E-mail: caute@yandex.ru